

Глава 30. Счастье и несчастье

Цю Хуанянь поначалу хотел было расспросить Ду Юньсэ о темах экзамена, но вовремя спохватился: все эти канонические рассуждения на основе «Четверокнижия» или «Канона сыновней почтительности» он всё равно не поймёт, а если и поймёт, то вряд ли найдёт в них хоть что-то занимательное. Любопытство его мгновенно улетучилось.

В отличие от снедаемого тревогой юноши, сам Ду Юньсэ держался с непоколебимой уверенностью. Он принимал и поздравления, и дурные пророчества с одинаковым спокойствием, что стало для его суженого лучшим успокоительным.

Минуло ещё два дня. Повторное испытание — фуши — подошло к концу, и теперь оставалось лишь смиренно ждать, пока сюэчжэн проверит свитки и вывесит списки. Сёстры Хуан уже обосновались в префектуре Сянпин, и Хуанянь вместе с ними пропадал на кухне «Шуи лоу», помогая Данянь колдовать над новым блюдом, которое та готовила для «Байвэй ши» — Испытания ста вкусов.

Хуан Данянь была старше своей сестры Энн्यान на добрый десяток лет. Когда-то их семья жила в такой беспросветной нужде, что мать девушек, соблазнившись калымом в пять лянов серебра, выдала старшую дочь замуж в город, даже не дав ей взглянуть на жениха. Лишь переступив порог чужого дома, Данянь поняла, в какую бездну угодила.

Муж её давно прижил бастарда от гээр из сомнительного заведения; свекровь, женщина властная и суровая, то и дело пускала в ход палку, поучая невестку; а свёкор и вовсе беззастенчиво заглядывался на жену своего старшего сына... О дурном нраве этой семейки судачили все в округе, и ни одна порядочная девушка не пошла бы за их сына, потому они и искали невесту в глухой деревне, суля высокий выкуп.

Стерпев несколько жестоких побоев, Хуан Данянь ощутила в груди такую ярость и нежелание губить свою жизнь, что тайком накопила денег и наняла человека составить жалобу. Она вынесла все грязные тайны этой семьи на суд людской, требуя развода, чем вызвала небывалый переполох в уезде Чжан.

Уездный судья, проникшись сочувствием к её горькой доле, дозволил развод. Но идти женщине было некуда: жители уезда Чжан шептались ей в спину, а родная мать, убоявшись позора, наотрез отказалась пускать дочь на порог, отрекшись от неё навсегда.

Прижимая к груди половину сорговой лепешки, которую Энн्यान тайком сунула ей на прощание, Данянь со слезами на глазах потратила последние гроши, чтобы пристроиться к торговому каравану. Так, подпрыгивая в телеге среди тюков с товаром, она добралась до столицы префектуры.

В Сянпине старшая из сестёр начинала с самых низов — прислуживала на кухне в захудалом трактире. Благодаря своему прямому, честному нраву и редкому кулинарному чутью, она со временем стала отменной поварихой, обзавелась друзьями, а однажды даже заслужила

награду на «Испытании ста вкусов». Жизнь её понемногу наладилась.

Несколько лет назад до Данянь дошли вести о смерти родителей. Скорбя об утрате, она не на шутку встревожилась за судьбу младшей сестры и поспешила в родные края. И явилась она как раз вовремя: двое её братьев уже собирались продать Энн्यान торговцу людьми, чтобы выручить немного денег.

Она устроила знатный скандал, навсегда порвала все связи с роднёй и увезла сестру прочь из родной деревни.

Хуан Энн्यान к тому времени уже отдала сердце одному из помощников в уезде и не пожелала ехать в Сянпин. Тогда Данянь открыла в уезде Чжан съестную лавку, а в приданое купила лавку пряностей, оставшись в уезде, чтобы присматривать за младшей. Она на собственной шкуре познала горечь одиночества в чужом краю и не хотела такой участи для близкого человека.

Позже повариха не раз благодарила небо за это решение.

Спустя два года после свадьбы тот самый помощник показал своё истинное лицо. Он тратил деньги, заработанные на приданом жены, на гулянки и распутных девиц, а когда его прижали к стенке, принялся обвинять сестёр. Мол, кабы Данянь не была столь властной, а Энн्यान не брала с неё пример, забыв о женской кротости, ему бы и не пришлось искать утешения в объятиях нежных дев.

На почве этих потрясений у Энн्यान случился выкидыш. Очнувшись, она, стиснув зубы, потребовала развода, не оставив мужу ни единого гроша. После этого случая сёстры Хуан окончательно «прославились» в уезде Чжан — за их спинами только и толковали об их порочности и погранных устоях.

Но Данянь уже не была той жалкой, отчаявшейся женщиной. У неё были деньги и мастерство, а её твёрдый нрав заставлял недоброжелателей прикусить язык. И если не считать нападков таких людей, как Вэй Дэсин, жизнь их в уезде текла вполне сносно.

На кухне «Шуи лоу» специально освободили одну печь и разделочный стол. Данянь верховодила, Энн्यान была у неё на подхвате, а Цю Хуанянь наблюдал со стороны. Обычно повара ревностно оберегают свои секреты, но хозяйка была столь благодарна юноше за его отменный красный ферментированный тофу «Цю цзи», выручивший её в трудный час, что сама пригласила его посмотреть на таинство приготовления. Хуанянь мог готовить это блюдо для себя, но обязался не продавать рецепт чужакам.

Сперва Данянь взяла свежий, ещё не спрессованный мягкий тофу и смешала его с ферментированным тофу — фуру, — тщательно растёрла всё скалкой в однородную массу. Затем она выбрала молодого петушка и добрый кусок свиной грудинки с идеальными слоями

жира и мяса. Этой нежной массой из тофу она густо и ровно обмазала птицу, оставив её пропитываться ароматами.

Пока Эннян мыла сахарные кости и кипятила воду, Данян заложила кости, ветчину и обжаренную куриную кожу в котёл, добавив лишь крохотный ломтик имбиря. Настоящий повар знает: имбиря должно быть в меру, иначе его резкий вкус перебьёт всё остальное. Так она вываривала прозрачный, напоенный силой бульон — гаотан.

Хуанянь наблюдал за уверенными движениями старшей сестры и чувствовал, что и сам набирается мудрости.

Когда птица промариновалась, Данян уложила её на стол, счистила массу из тофу и принялась за дело. Двигаясь вдоль волокон, она пластовала мясо на тонкие, длинные и безупречно ровные ломтики. Каждый взмах ножа был выверен до волоска, а у самого основания мясо оставалось нетронутым, так что петушок сохранял свою форму.

Затем она велела помощнице разогреть в другом котле бобовое масло, бросила туда корни и пряности, создавая ароматную заправку. Дождавшись нужного жара, Данян принялась большой железной ложкой равномерно облить птицу раскалённым маслом. Тонкие края мясных ломтиков мгновенно становились хрустящими и красиво выгибались, напоминая изящное оперение.

Следом за этим женщина обжарила свиную грудинку, нарезала её крупными кусками и вместе с мягким тофу плотно уложила в брюшко птицы, закрепив разрез тонкими веточками. Подготовленного петушка она опустила в наваристый гаотан, где тот должен был медленно томиться на пару, впитывая в себя богатство вкусов.

Когда мясо стало нежным и сочным, наступил черёд последнего штриха: Данян взяла сок красного ферментированного тофу, кистью покрыла им всю птицу, посыпала мелко рубленным чесноком и ошпарила сверху тонким слоем кипящего масла. Так, пройдя через пять ступеней — маринование, жарку, томление, приготовление на пару и варку, — блюдо было завершено.

Кухня «Шуи лоу» наполнилась таким дивным ароматом, что постояльцы трактира то и дело заглядывали внутрь, выспрашивая, что за чудо там готовится.

— Хуа-гээр, а ну-ка, придумай этой красоте достойное имя, — выдохнула Хуан Данян. Из всех её задумок эта была самой удачной, но ни одно из пришедших на ум названий ей не нравилось.

— Я? — удивился Хуанянь.

— «Испытание ста вкусов» на носу. Мы будем подносить это префекту и учёным мужам — негоже называть такое просто «курицей с тофу». У меня образования не хватит для красивых слов. Ты видел, как я трудилась, так что помоги!

Цю Хуанянь в своей прошлой жизни не один год вёл блог и знал толк в броских заголовках. Отбросив в сторону современные шуточки, он на мгновение задумался, и в глазах его вспыхнул огонёк.

— Пусть зовётся «Цветной феникс, возлежащий на заревых облаках».

— «Цветной феникс, возлежащий на заревых облаках»? — Данянь пробовала слова на вкус.

— Красный тофу цветом подобен заревым облакам, а птица — это феникс, образ тех одарённых мужей, чьи имена украсят золотые списки. Брюшко же, наполненное тофу и мясом, символизирует учёность и внутреннее богатство, о котором говорят: «в сердце — мудрость, в облике — изящество». Для экзаменационных дней — самое лучшее предзнаменование.

Хуан Данянь довольно рассмеялась:

— Хорошо! Превосходное имя!

Для таких изысканных блюд важен не только вкус, но и добрый знак, обещающий удачу. Повариха уже представляла, какой успех ждёт её на «Испытании ста вкусов», когда учёные мужи услышат про «внутреннее богатство» и «золотые списки».

Блюдо подали к столу. Выглядело оно столь великолепно, что никто поначалу не решался коснуться его палочками.

Хуанянь осторожно разделил румяную корочку «феникса» и положил Ду Юньсэ кусок нежнейшего, сочного мяса.

— Попробуй скорее. Съешь это — и пусть твоё имя непременно окажется в списках.

Ду Юньсэ с мягкой улыбкой принял угощение, и все за столом дружно рассмеялись.

— В городе только и толкуют, что наш господин Ду — сама Звезда литературы во плоти. Нужна ли ему моя курица, чтобы прославиться?

— Когда Ду-гунцзы сдаст экзамены и добьётся высших чинов, это блюдо ещё и его славой пропитается!

— И тогда, Хуа-гээр, ты непременно позовёшь меня готовить на твой пир!

Юноша, развеселившись, ответил:

— Обещаю за него! Когда придёт черёд праздновать успех, этот «Цветной феникс» будет главным украшением стола!

Юньсэ лишь смотрел на суженого с нескрываемой нежностью, храня молчание.

Блюдо смели в мгновение ока, и каждый нашёл для него слова похвалы. Чжэн Июань и Шу Хуацай, знавшие толк в яствах, тоже не скупилась на одобрение.

— Видна рука мастера! Вкус необычайный, — заключил хозяин трактира. — На нынешнем «Испытании ста вкусов» твой «Феникс» непременно будет первым!

Наступила ночь перед оглашением списков. Цю Хуаняню приснился какой-то смутный, тревожный сон. Проснувшись, он долго ворочался на кане, пока Ду Юньсэ тоже не открыл глаза.

— Хуа-гээр, что случилось?

— Я тебя разбудил? Прости, спи дальше, — Хуанянь натянул одеяло до самого подбородка.

Молодой человек спал на расстоянии вытянутой руки. В лунном свете, льющемся из окна, юноша видел лишь его неясный силуэт. Внезапно тот приподнялся и склонился над ним.

Хуанянь почувствовал прикосновение тёплой, сухой ладони к своему лбу. Шероховатость мозолистых пальцев отозвалась во всём теле легкой дрожью.

Голос Юньсэ, ставший спросонья чуть более хриплым, прозвучал над самым ухом:

— Хорошо. Жара нет.

Хуаняню же казалось, что его щёки пылают так, будто на них можно жарить яйца. Он попытался отстраниться, но вышло так, будто он сам ластится к руке собеседника.

— Со мной всё в порядке, честно. Спи. Завтра после списков ещё «Испытание ста вкусов», тебе нужно будет стихи писать и блюда оценивать...

Юньсэ поправил одеяло и лёг рядом. Лунный свет вновь озарил бледное, красивое лицо Хуаняня.

— Сна ни в одном глазу. Давай поговорим. Ты тревожишься?

— Немного, — признался юноша. Он повернулся на бок, подложив руку под голову, и его глаза ярко блеснули во тьме. — А ты... как думаешь, ты станешь первым в списке — юаньяншоу?

Этот вопрос Хуанянь не решался задать раньше, боясь лишний раз давить на Ду Юньсэ, но сейчас, в тишине ночи, слова вырвались сами собой.

Ду Юньсэ негромко рассмеялся:

— Так вот о чём все эти дни думал мой Хуа-гээр.

Хуанянь, смутившись, попытался вернуть себе суровый вид:

— Я задал вопрос, изволь отвечать!

— Ты хочешь услышать правду?

— Разумеется.

Юньсэ протянул руку и осторожно убрал непослушную прядь с переносицы суженого, едва коснувшись пальцем места между бровями. Алая родинка беременности словно вспыхнула от этого мимолётного касания, опалив сердце молодого человека жаром.

— Я непременно буду первым.

Хуанянь замер, даже не заметив этого слишком смелого жеста. Обычно его собеседник был степенным и невозмутимым, но сейчас в его словах прозвучала такая решимость, что он показался острым клинком, сверкающим в лунном свете.

Сердце юноши забилося как безумное. С каждым днём, с каждым новым словом этот мужчина заставлял его душу трепетать всё сильнее. Он прерывисто выдохнул — то ли от волнения, то ли от внезапного порыва, охватившего всё его существо.

— Ду Юньсэ, я...

«Я хочу тебя поцеловать»

Слова так и не сорвались с губ. Хуанянь стремительно зарылся лицом в подушку, выставив напоказ лишь пылающие кончики ушей.

«Это древность! Это древность! Держи себя в руках!»

Он услышал тихий смех Юньсэ — этот звук напоминал журчание весеннего ручья.

— Хуанянь... — прошептал тот, едва слышно вздохнув.

Юньсэ осторожно коснулся ладонью белой, тонкой шеи суженого, чувствуя, как под кожей бьётся пульс. Пальцы чуть сжались, и он ощутил, как Хуанянь мелко вздрогнул. Склонившись к самому уху юноши, Юньсэ прошептал слова, от которых взгляд его стал глубоким и тёмным:

— До рассвета ещё далеко. Не тревожься более, Хуа-гээр. Постарайся уснуть.

Больше он не позволял себе лишнего и улёгся на своё место.

Хуанянь так и лежал, зарывшись головой в подушку. Лишь спустя долгое время, убедившись, что его визави затих, он начал понемногу расслабляться.

«Я люблю тебя»

Слова, сказанные шёпотом, всё ещё гремели в его сердце. Юноша неуклюже перевернулся на другой бок, спиной к Юньсэ, ощущая, как внутри всё кричит от избытка чувств. Подумать только, его, человека из современного мира, переиграл в искусстве признаний этот древний книжник!

Ду Юньсэ же, глядя на его спину в полумраке, едва заметно улыбнулся.

«Всё же мой Хуа-гээр слишком стыдлив»

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, Цю Хуанянь уже был на ногах. Чжэн Июань, услышав шум, заглянула к ним и с улыбкой заметила:

— Погляди на свои синяки под глазами. Сразу видно — молодость.

Шу Хуацай поддакнул:

— Да что там Хуа-гээр, я и сам полночи глаз не смыкал, всё об этих списках думал.

Юноше было слишком неловко объяснять истинную причину своей бессонницы, поэтому он лишь молча согласился, что во всём виновато волнение перед оглашением результатов.

Данянь спозаранку приготовила завтрак и созвала всех в главный дом.

— Списки вывешат только в час Змеи. День будет долгим и суетным, так что сперва подкрепитесь.

Хозяин дома за едой заметил:

— У ворот Гунъюаня сегодня будет не протолкнуться. Я послал Шу У разузнать новости, так что господину Ду и Хуа-гээр незачем лезть в ту толпу.

Хуанянь хотел было возразить, но Ду Юньсэ опередил его:

— На тебе лица нет. Поешь и отдохни ещё немного. — Он положил суженому кусок хрустящей жареной рыбки.

Энняян тоже добавила:

— И правда, Хуа-гээр, ты совсем бледный. Поди приляг.

Юноша коснулся своего лица. В голове и впрямь стоял какой-то туман, а в теле не было ни капли сил. После завтрака Ду Юньсэ велел ему вернуться на кан, а сам устроился у окна с книгой. Сон к Хуаняню не шёл. То и дело он порывался спросить, который час, пока Юньсэ наконец не подсел к нему на край кана.

— Честное слово, я не усну... — пробормотал юноша, наткнувшись на строгий взгляд.

Тот вздохнул и мягко прикрыл ладонью глаза Хуаняня, заслоняя свет.

— Позволь мне почитать тебе, хорошо?

Хуанянь неопределённо кивнул. Юньсэ открыл сборник рассказов о странствиях и начал читать размеренным, глубоким голосом. Юноша, слушая описания далёких гор и рек, незаметно для себя погрузился в полузабытьё.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда тишину внезапно разорвал голос Шу У. Он вбежал во двор флигеля, сияя от радости.

— Поздравляю господина Ду! Поздравляю молодого сюцая! — кричал он во всё горло. — Господин Ду — первый в списке префектуры Сянпин! Он — юаньяньшоу! В городе все кричат, что это сяо сань юань — Малое тройное первенство!

Хуанянь, вне себя от восторга, хотел было вскочить с постели, но стоило ему резко поднять голову, как перед глазами всё поплыло, мир погрузился во тьму, и силы мгновенно оставили его. Последним, что он услышал, был отчаянный крик Юньсэ.

— Хуанянь!

Цю Хуанянь пришёл в себя, ощутив во рту невыносимую горечь лекарственного отвара.

— Очнулся! Очнулся!

— Хуа-гээр пришёл в себя!

Он с трудом разомкнул веки и почувствовал, как кто-то с небывалой силой сжимает его ладонь.

— Больно... — пересохшие губы юноши едва заметно шевельнулись.

Ду Юньсэ мгновенно ослабил хватку и принялся стирать испарину с его лба.

— Хуа-гээр, я... — голос его дрогнул от невыносимого чувства вины.

Видя, что он по-прежнему на кане в окружении встревоженных лиц, Хуанянь тихо спросил:

— Что со мной? Долго я был без чувств?

— Меньше часа, — ответил сухой, старческий голос. — Тело слабое, заботы не знавшее. Великая радость вслед за великой тревогой — вот сердце и не выдержало.

Перед ним стоял старик лет семидесяти — убелённый сединами старый господин Гу. В руках он держал тонкую серебряную иглу.

Юньсэ осторожно убрал волосы со лба суженого и пояснил:

— Хуа-гээр, это старый господин Гу. Он некогда был придворным лекарем Его Величества, а после службы вернулся в Сянпин. Сын господина Гу был в отъезде, и мне стоило немалых трудов упросить самого старца прийти к нам.

Старый лекарь хмыкнул:

— Кабы твой наставник в своё время не замолвил за меня словечко перед Императором, не видать бы мне родных краёв. Считай, что я лишь возвращаю малый долг. Береги силы. С таким здоровьем в богатом доме и на одних отварах не факт, что долго протянешь. Диво дивное, как ты в крестьянской семье до своих лет дожил.

Сердце Хуаняня ёкнуло. Он спросил:

— Скажите прямо, каково моё состояние?

По памяти прежнего владельца юноша знал: здоровье его было подорвано ещё в утробе. Пятнадцать лет в семье Цю довели его до того, что он одной ногой стоял в могиле. После того как Хуанянь занял это тело, ему казалось, что дела пошли на лад. Он стал выносливее, а раны на нём заживали быстро. Но нынешний обморок заставил его взглянуть правде в глаза.

Старый лекарь погладил бороду:

— У тебя врождённая порочность тела. По всем законам природы ты должен был угаснуть ещё до того, как тебе исполнится двадцать. Видимо, за последний год с тобой случилось какое-то чудо. словно ты отведал божественного лекарства. Однако действие этого «лекарства» уже идёт на убыль. Твоя основа слишком слаба. Сейчас ты лишь снаружи кажешься крепким, а внутри пустота. Не начнёшь беречь себя — жизнь твоя будет недолгой.

Юноша был поражён пронизательностью старика.

— Однажды я заблудился в горах и нашёл там корень женьшеня... Должно быть, это и было то самое чудо, — тихо произнёс он.

Старик негромко рассмеялся, не подав виду, верит он в эту сказку или нет. Услышав про «недолгий век», Ду Юньсэ сжал Хуаняня в объятиях так крепко, что тому стало трудно дышать.

— Полно тебе. Лекарь ведь сказал — если беречься, всё будет хорошо, — юноша попытался утешить его.

Старый господин Гу не спешил обнадеживать:

— Беречься — это лишь слабая надежда. Да и забота такая... не всякому по карману. Прошу почтенных друзей выйти. У меня есть слово к нему одному.

Когда остальные покинули флигель, старый господин Гу посмотрел на Ду Юньсэ:

— Почему ты остался?

— Хуа-гээр — мой суженый. Я должен знать всё, — Юньсэ встретил его взгляд прямо.

Лекарь перевёл взгляд на юношу, и тот едва заметно кивнул:

— Говорите как есть.

— Я знаю, что твоё чудо — это вовсе не корень женьшеня, но выпытывать правду не стану. Скажи мне лишь одно — могут ли другие обрести такое же исцеление?

— Мне просто несказанно повезло. Во всей Поднебесной такого больше не случится, это я знаю точно, — ответил Хуанянь со всей серьёзностью.

Старый лекарь ощутил одновременно и горечь, и облегчение. Он строго наказал:

— То, что сказано в этих стенах, должно остаться лишь между нами тремя. Если вести об этом уйдут за порог — беды не миновать.

Ду Юньсэ пообещал хранить тайну и поспешно спросил:

— Уважаемый наставник, прошу вас, расскажите подробно — как мне беречь Хуа-гээр?

— Забота о таком теле — труд на долгие годы, — заговорил господин Гу. — Во-первых, никакого тяжкого труда. Во-вторых, никаких печалей и тревог. И в-третьих... придётся тратить великое множество редких и дорогих снадобий. Бери самое дорогое, что сможешь найти. У этой цены нет предела.

Старый господин Гу посмотрел на Ду Юньсэ и добавил со значением:

— Благодаря твоему наставнику я знаю о твоих талантах. За долгие годы в императорском дворце я научился видеть то, о чём многие боятся говорить вслух. С твоим будущим я не сомневаюсь, что ты сможешь добыть любые редкости. Для твоего маленького муженька это — великое счастье. Но, быть может... в этом же и кроется его несчастье.